

УДК 338 (470+571)

Левкин Н.В.*(г. Петрозаводск)*

ОФШОРНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА¹

Аннотация. К середине 2013 г. в Российской Федерации существенным образом замедлились темпы экономического роста и усилился отток капитала за рубеж. В связи с этим увеличилось число научных публикаций, посвящённых проблемам офшоров и их роли в функционировании российской экономики. Однако в этих публикациях анализ офшоров с позиций фундаментальной экономической науки представлен лишь фрагментарно. По этой причине автор статьи предпринимает попытку изучения офшорной экономики с точки зрения ключевого направления современной фундаментальной экономической науки – институциональной экономики и таких её подразделов, как теория трансакционных издержек, теория прав собственности, теория общественного выбора. В научный оборот вводятся новые понятия: «цена офшоризации», «цена безофшорной деятельности», «порочный круг офшоризации».

Ключевые слова: офшорная экономика, институциональная теория, трансакционные издержки, права собственности, поиск политической ренты

N. Levkin*(Petrozavodsk, Karelia)*

OFFSHORE ECONOMY: THE VIEW FROM THE POSITION OF INSTITUTIONAL APPROACH

Abstract. By the middle of 2013 the economic growth substantially in the Russian Federation slowed down and the outflow of capital increased. So, the number of scientific publications on offshore companies and their role in the functioning of the Russian economy has increased. However, in these publications the analysis of offshore companies from the point of fundamental economics is presented fragmentarily. For this reason, the author attempts to explore the offshore economy in terms of the key areas of modern economic science as a fundamental institutional economics and its subsections such as: the theory of transaction costs, property rights theory and public choice theory. The new concepts: «price of offshorization», «non-offshore activity price», «vicious circle of offshore economy» are introduced.

Key words: offshore economics, institutional theory, transaction costs, property rights, political rent seeking

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-32-01269

Важным событием 2013 г. стал кризис офшорной экономики Кипра, который до последнего времени считался одной из ключевых налоговых гаваней для российского бизнеса. В свою очередь, этот кризис стал частным проявлением полномасштабной войны ведущих стран мира (США, Франция, Германия, Великобритания) и международных организаций (МВФ, Международной группы по борьбе с отмыванием преступных доходов ОЭСР – FATF, **Форума финансовой стабильности, Базельского комитета по банковскому надзору** и т. д.) с офшорами: до этого были подвергнуты «разгрому» традиционные офшорные юрисдикции «старого света» (Швейцария, страны Бенилюкс, Монако и др.), которые под давлением межправительственной FATF вынужденно приняли соответствующие законы о борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Вслед за Кипром в 2013 г. стала стремительно исчезать ещё одна из самых больших «налоговых гаваней» современного мира – Британские Виргинские острова: в СМИ произошла «утечка» 2,5 млн. документов (общий объём информации в электронном формате составил 260 Гбайт, что в 160 раз больше по объёму информации, размещённой на сайте WikiLeaks в 2010 г.), отражающих содержание финансовых сделок в этом офшоре. Были «обнародованы» имена 130 тысяч человек из 170 стран мира (в т. ч. россиян), прятавших там свои капиталы (суммарный объём которых составил около 32 трлн. долларов США) [5]. Жесточайшему остракизму была подвергнута банковская деятельность Ватикана, связанная с использованием непрозрачных схем, позволявших анонимно проводить финансовые операции и скрывать конечных выгодополучателей. В связи с этим Папа Франциск I **заявил о ликвидации Банка Ватикана.**

Подтверждением готовности ведущих государств мира и дальше бороться с офшорами стало итоговое коммюнике, сделанное на саммите G20 в сентябре 2013 г. (г. Санкт-Петербург). В нём главы передовых держав поддержали антиофшорную политику, активно проводимую как на уровне отдельных стран, так и всем мировым сообществом.

Несмотря на активное обсуждение офшорной проблемы в СМИ и на политических площадках, проблема налоговых гаваней не нашла должного отражения в экономической теории. Многочисленные публикации в научных изданиях посвящены, главным образом, изучению текущей ситуации, сложившейся в области офшорной экономики и прикладных аспектов борьбы с налоговыми гаванями. Анализ фундаментальных экономических причин функционирования офшоров носит фрагментарный характер. При этом без наличия соответствующей методологической базы, практические рекомендации не могут носить комплексный, а значит и конструктивный характер [3; 4].

В рамках экономической теории вопрос офшорной экономики может быть наиболее полно раскрыт за счёт обращения к ключевым положениям институциональной теории и таких её подразделов, как теория трансакционных издержек, теория прав собственности, а также теория общественно-го выбора [1; 2; 6].

С точки зрения фундаментальной науки, экономические субъекты осуществляют выбор своего дальнейшего поведения на основе сравнительного анализа альтернатив при помощи стоимостной оценки. Домохозяйства и бизнес оценивают две возможные нормативные ситуации: экономическая деятельность в рамках безофшорной схемы (*цена безофшорной деятельности*) и экономическая деятельность в рамках схемы с использованием офшоров (*цена офшоризации*). В динамике это означает, что пока предельные выгоды экономических субъектов будут выше, чем предельные издержки от обращения к офшорной экономике, объёмы и масштабы распространения последней будут увеличиваться. С позиций институциональной теории экономика выступает как эволюционирующая система, что означает изучение экономических процессов в качестве спонтанных, открытых и необратимых. При этом особое внимание уделяется процессу инноваций – появлению, закреплению и распространению нового, а также конкуренции – как процессу отбора наиболее успешных экономических субъектов. Исходя из методологических принципов эволюционизма, экономические субъекты, использующие налоговые гавани, получают дополнительные конкурентные преимущества в виде снижения налоговых выплат, упрощённых (а значит и более низкокзатратных) процедур регистрации своего бизнеса, оформления банковских счетов, осуществления прочих финансовых и юридических операций, доступа к передовым технологиям управления капиталом, а также профессиональным услугам в сфере инвестиционной деятельности. Глобализация мировой экономики привела к тому, что офшоризация из новации по повышению конкурентных преимуществ постепенно превратилась в стандартный элемент ведения современного бизнеса на уровне корпоративных структур. При прочих равных условиях, можно говорить о том, что во второй половине XX в. стратегия офшоризации стала доминирующей в поведении экономических субъектов (было достигнуто «равновесие по Нэшу»). Особенно это касается транснациональных корпораций. Как итог, сегодня через налоговые гавани проходит более половины мировой торговли и всех банковских активов, а также треть прямых инвестиций, которые многонациональные корпорации осуществляют за рубежом [8]. Однако такая стратегия поведения характерна не только для микроуровня экономических систем. На макроуровне произошла похожая цепная реакция – своеобразная «офшорная эпидемия»: отдельные страны в массовом

порядке стали создавать на своих территориях налоговые гавани для компаний-нерезидентов. Как итог к началу 2000-х гг. к классическим офшорам относилось уже около 60 стран, а вместе с используемыми с ними в «связке» другими юрисдикциями их число достигло 100 [7]. Ключевыми конкурентными преимуществами на геоэкономической арене для национальных экономик стран, претендующих на роль офшора, становятся: минимальный уровень налогообложения экономической деятельности нерезидентов, анонимность финансовых транзакций и закрытость информации о конечных бенефициарах бизнеса, комфортная инфраструктурная среда для организации и ведения предпринимательства (как правило, территория офшоров представляет собой и достаточно развитую рекреационную зону), относительная стабильность политического режима, высокие гарантии по защите прав собственности для активов нерезидентов. Выгоды самих офшорных стран заключаются в повышении международного авторитета на мировой арене (классический пример: одна из старейших налоговых гаваней Швейцария, являлась до последнего времени также важным политическим игроком на европейском континенте), эффекте масштаба (большие объёмы привлечённых финансовых активов, даже при минимальном уровне налогообложения, позволяют существенным образом увеличивать доходную часть государственных и местных бюджетов), а также в высококонкурентном уровне развития финансового сектора экономики – офшоры используют самые последние достижения в области развития финансовых технологий (та же Швейцария сегодня – это не столько страна с офшорной ориентацией экономики, сколько с самым высоким уровнем культуры банковского обслуживания). Нельзя забывать и о том, что на счетах офшорных банков остаются невостребованными колоссальные финансовые ресурсы, которые «замораживаются» в результате смерти или ареста их собственников в странах-донорах, т. е. странах, откуда капиталы уходят в офшорное пространство. Анонимность банковских счетов в офшорах не позволяет ближайшим родственникам и/или правоохранительным органам страны-донора контролировать движение этих капиталов, а также репатриировать их на родину. В результате у офшорных банков появляются активы, которые могут быть использованы «де-факто» для реализации самостоятельных долгосрочных инвестиционных проектов без согласия на проведение этих операций «де-юре» собственников данных финансовых ресурсов.

В большинстве случаев для стран-доноров существование налоговых гаваней становится системной проблемой. Возникает «порочный круг офшоризации», когда массовый исход национального капитала в офшоры приводит к резкому сокращению налоговых поступлений, что, в свою очередь, приводит к свёртыванию государственных социальных программ. В целях

предотвращения дальнейшего развития негативного сценария государство вынуждено, во-первых, усиливать антиофшорное законодательство и, во-вторых, повышать налоговое бремя бизнеса и домохозяйств. Однако для изменения офшорноориентированного поведения крупных компаний и наиболее состоятельной части населения данные меры оказываются малоэффективными, т. к. жёсткая интегрированность этих экономических субъектов в глобальную экономику (налоговые органы не всегда могут отделить внелегальные операции, связанные с уходом активов в офшоры, от операций, связанных с обслуживанием законной транзакционной и трансформационной деятельности экономических субъектов), возможность обращения к высокооплачиваемым налоговым консультантам, а также лоббирование своих интересов в государственных структурах позволяют обойти создаваемые государством барьеры. Таким образом, значительная часть налогового бремени перекладывается на малый и средний бизнес, а также менее состоятельную прослойку населения. Это приводит к росту социальной напряжённости, массовому закрытию небольших предприятий и уходу оставшихся предпринимателей из легального в нелегальный сектор национальной экономики. Налоговые поступления в государственный бюджет снова падают, вызывая очередной виток сокращения финансирования социальных программ в области образования, здравоохранения, культуры и искусства. В долгосрочной перспективе такое развитие событий ведет к деградации человеческого капитала в стране, ухудшению инвестиционного климата и, как итог, потере конкурентных позиций на мировых рынках. Для национальных экономик, ориентированных на экспорт сырьевых ресурсов (к которым относится и Российская Федерация), такое развитие событий может модифицироваться, т. к. отток частного капитала компенсируется государственными инвестициями, источником которых является природная рента (возникающая от экспорта природных ресурсов и частично остающаяся в распоряжении государства). Этот же источник позволяет финансировать на приемлемом уровне и социальную сферу. Однако в случае ухудшения экономической конъюнктуры на мировых рынках сырья такие страны также сталкиваются с «порочным кругом офшоризации».

Отдельно следует сказать об экономических субъектах, для которых офшорная экономика выступает не в качестве способа минимизации налоговых «потерь», а как относительно самостоятельный источник получения прибыли. К таким субъектам принадлежат многочисленные посреднические структуры, осуществляющие консалтинговое, страховое, аутсорсинговое, банковское, юридическое и рекламное сопровождение офшорных транзакций. Возможны и «экзотические» способы ведения офшорного бизнеса. Например, в Российской Федерации отдельным видом предпринима-

тельства стали схемы, связанные с возвратом НДС по экспортным операциям с участием офшорных компаний.

Можно также обозначить большую группу экономических субъектов, для которых обращение к офшорам ведёт не к минимизации издержек, а к их росту. Но это не приводит к отказу от услуг офшорных юрисдикций. К таким экономическим субъектам можно отнести физических и юридических лиц, стремящихся легализовать и/или сохранить капиталы, полученные от криминальной деятельности (наркоторговля, торговля оружием, работоторговля, коррупция и т. п.). В данном случае возможно использование офшоров и в качестве транзитных зон для капиталов, предназначенных для обслуживания и поддержания террористической деятельности, диктаторских режимов и государственных переворотов, работы тоталитарных сект, создания финансовых пирамид. Данные экономические субъекты согласны нести дополнительные затраты за конфиденциальность осуществляемых транзакций. Именно по этой причине во многих офшорных экономиках на сегодня существуют отрицательные процентные ставки по банковским вкладам: за анонимность нужно платить и эта цена в последнее время только растёт. Кроме того, физическим лицам-нерезидентам предлагается защита их капиталов на территории конкретного офшора в случае получения вида на жительство или гражданства офшорного государства. Эти юридические процедуры осуществляются на возмездной основе. Классический пример такого подхода – Великобритания. Фискальные органы Великобритании достаточно толерантно относятся к вопросу происхождения капиталов в случае, если собственник этих капиталов имеет вид на жительство в этой стране с последующим получением гражданства. Для получения вида на жительство с последующим получением гражданства через 5 лет необходимо осуществить прямые инвестиции в экономику Великобритании в размере 1 млн. фунтов стерлингов, через 3 года – 5 млн. фунтов стерлингов, и через 2 года – 10 млн. фунтов стерлингов.

Особо можно выделить связь с офшорами государств, которые находятся под действием эмбарго или других видов ограничений на финансовые транзакции со стороны ведущих держав (например, США) и/или всего мирового сообщества. В 1980-х гг. Кипр стал офшорной зоной после того, как СССР поддержал его в войне с Турцией. В ответ за оказанную помощь Кипр открыл свои финансовые рынки для Советского Союза и стал первой страной – транзитной зоной для финансовых операций СССР с западно-европейскими государствами в обход санкций, наложенных на эти операции со стороны США. Похожие события происходят и сегодня. В конце 2012 г. в СМИ появилась информация о том, что ряд крупнейших европейских банков (британские HSBC и RBS, немецкий Deutsche Bank, итальянские

кий UniCredit), используя офшорные юрисдикции, обслуживали поставки иранской нефти на мировые рынки вопреки запрету на проведение подобных операций со стороны США.

Дополнительные преференции от существования офшорной экономики получают также страны, которые сами не выступают в качестве офшоров, но при этом не препятствуют транзиту капиталов через свои национальные банковские структуры в налоговые гавани из других государств. Например, недавно (декабрь 2013 г.) руководство Банка России признало, что через Белоруссию и Казахстан, благодаря упрощённой процедуре контроля за оборотом товаров и капиталов, действующей в рамках Таможенного союза, из Российской Федерации было выведено в 2012–2013 гг. около 47 млрд. долларов США.

При выборе стратегии на офшоризацию своего бизнеса экономическими субъектами, нельзя игнорировать и психологические особенности, обуславливающие поведение людей. Сюда можно отнести, прежде всего, склонность к риску. Офшорная деятельность в большинстве случаев предполагает нарушение национального законодательства страны-донора. Это первый фактор высокой рискованности офшорных трансакций. Второй фактор заключается в высокой степени сложности офшорных сделок с участием большого количества контрагентов, с которыми заключаются неявные контракты.

В отличие от неоклассической экономической теории в институциональном подходе изучаются не трансформационные (т. е. связанные с изменением физических свойств экономических благ), а трансакционные издержки, т. е. издержки связанные с обменом прав собственности. По сути дела *офшорная экономика – это экономика, направленная на снижение трансакционных издержек за счёт существующих отличий в институте прав собственности и их спецификации в различных национальных правовых системах*. Традиционно в экономических исследованиях проводится укрупнённая классификация институтов прав собственности, включающая в себя выделение «англо-саксонской» и «континентальной» правовых систем. Однако при анализе офшорной экономики становятся важными такие атрибуты института прав собственности, как стабильность законов, независимость судебной системы, идеологическая и культурная поддержка, которые в значительной степени различаются по конкретным государствам. Например, в странах с развитой рыночной экономикой существует институциональная среда, жёстко защищающая институт частной собственности. Она поддерживается социально-культурными установками всего населения, возникшими эволюционным путём за столетия. В Российской Федерации такие установки были частично изменены, а частично уничтожены в XX в. В 1990–2000-е гг. ситуация в этой области изменилась не значительно. Несмотря на переход к рыночным принципам организации хо-

зяйственной жизни страны, ключевой для капиталистической экономики институт частной собственности в Российской Федерации остаётся до конца не сформировавшимся. Этому способствуют: высокий уровень неопределённости политической и экономической жизни российского общества; неисправленные системные ошибки, допущенные при проведении рыночных преобразований в начале-середине 1990-х гг. (прежде всего, процесс широкомасштабной приватизации, признаваемый большей частью россиян в качестве нелегитимного); массовые рейдерские захваты предприятий и организаций в 2000-х гг.; мощный административный пресс на бизнес со стороны государственных структур. Во многом именно эти причины обусловили массовый отток капитала из Российской Федерации в офшорные юрисдикции. Прямым подтверждением этого тезиса являются два факта. Во-первых, в Российской Федерации неоднократно предпринимались попытки создания собственных офшоров, или иначе особых экономических зон с льготным режимом налогообложения (в 1990-е гг. было организовано несколько подобных зон, в т. ч. особая экономическая зона в Ингушетии; среди недавних новаций – создание Международного финансового центра в Москве, а также налоговой гавани на Сахалине). Однако отечественный и зарубежный бизнес инертно относится к российским офшорным проектам. Во-вторых, лидерами прямых инвестиций в экономику Российской Федерации выступают офшоры (Нидерланды, Кипр, Люксембург), куда и происходит основной отток отечественного капитала. Таким образом, меняя свою национальную принадлежность и сильно сокращаясь в объёмах, капиталы снова возвращаются в российскую экономику.

В рамках институционального подхода можно найти ещё одно объяснение агрессивному бегству капитала из Российской Федерации в зарубежные офшоры. Для этого необходимо обратиться к теории общественного выбора, изучающей различные методы, посредством которых чиновники используют государственные структуры в своих собственных интересах. Важными подразделами теории общественного выбора выступают экономика бюрократии и концепция поиска политической ренты. С позиции этих теоретических направлений российский капитал, направляемый в офшорные юрисдикции, во многом представлен незаконными доходами российских чиновников (взятки, а также выгоды, получаемые за незаконное участие в предпринимательской деятельности, административный патронаж коммерческих структур, перераспределение общественных ресурсов в пользу узкого круга заинтересованных лиц, воровство и т. п.). Ежегодные потери российской экономики только от коррупции в государственной сфере по приблизительным оценкам составляют от 3,5 до 7% ВВП. Вероятно, что коррупционные деньги также оседают в офшорах.

Почему именно в последнее время проблема офшорной экономики стала актуальной и в явном виде озвучивается видными политиками и экономистами?

Во-первых, сегодня мы наблюдаем существенное нарастание кризисных явлений в глобальной экономике в связи с кардинальными изменениями рыночной модели хозяйства, вызванными переходом нашего общества в постиндустриальную стадию развития и становлением нового (шестого) технологического уклада. Этот переход требует колоссальных финансовых ресурсов и в качестве одного из источников их пополнения небезосновательно рассматриваются капиталы, находящиеся в офшорах.

Во-вторых, офшоры представляют собой важный источник информационных и финансовых ресурсов для решения геоэкономических и геополитических задач, стоящих перед ведущими мировыми державами. Кто контролирует офшоры, тот контролирует глобальную финансовую систему. Не секрет, что «наплыв» денег из офшоров может нарушить нормальную работу любой национальной экономики. По мнению, Н. Шэксона сегодня мы наблюдаем борьбу за контроль над офшорным пространством со стороны двух сверхдержав – США и Великобритании [8]. После раскрытия в 2013 г. информации о Британских Виргинских островах крупнейшим офшором, по-прежнему сохраняющим конфиденциальную информацию о своих бенефициарах остаются только Американские Каймановы острова. При этом офшоры и борьба с ними рассматриваются в качестве инструментов конкурентной борьбы в глобальной экономике. Например, в США ещё в 1977 г. был принят закон «О борьбе с коррупцией во внешнеэкономической деятельности», устанавливающий уголовную ответственность и штрафы за подкуп зарубежных должностных лиц и нарушение бухгалтерии при ведении внешнеэкономических операций. Но, только начиная с предкризисного 2007 г. резко увеличилось количество привлечённых к ответственности физических и юридических лиц. Причём, 9 из 10 самых больших штрафов за нарушение закона выплатили неамериканские компании. Кроме того, в рамках этого закона в 2010 г. президент США выдвинул так называемую антикоррупционную инициативу, которая подразумевает, что под юрисдикцию этого закона подпадают и зарубежные компании, выходящие на Нью-Йоркскую фондовую биржу или NASDAQ; упрощается процедура замораживания иностранных активов, включая не только недвижимое и движимое имущество, но и ценные бумаги, вклады и на территории США; в качестве взятки признаются не только денежные средства, имущество, ценные бумаги, но и различного рода услуги и даже предоставление ценной информации [5].

В-третьих, террористические акты «9/11» (11 сентября 2001 г.) в США (в Российской Федерации – это теракт в аэропорту «Домодедово» в 2011 г.)

доказали мировому сообществу, что офшоры являются основным источником финансирования террористических организаций, а также главным препятствием для проведения превентивных операций по предотвращению террористической деятельности. Реальная угроза со стороны глобальных террористических организаций заставляет мировое сообщество изменить своё отношение к офшорам с нейтрального на враждебное.

В заключение обобщим факторы, определяющие мотивы поведения экономических субъектов в рамках дилеммы «офшоризация бизнеса – деофшоризация бизнеса»:

- соотношение «цены офшоризации» и «цены безофшорной деятельности»;
- институциональная среда страны-донора и страны-реципиента (офшора) капиталов;
- степень специфичности выводимых в офшоры активов и степень сложности сделок по офшорным трансакциям;
- степень неопределённости внешней среды бизнеса и домохозяйств;
- степень склонности к риску экономических субъектов.

Литература

1. *Де Сото Э.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / пер. с англ. М.: Catallaxy, 1995. 320 с.
2. Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005. 704 с.
3. *Левкин Н.В.* Инвестиционный климат и офшорная экономика // Институциональное развитие регионов в условиях модернизации российской экономики: IV молодёжная научно-практическая конференция, 23-24 апреля 2013 года, г. Петрозаводск. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 49–51.
4. *Левкин Н.В.* Офшоры как основа современной корпоратократии // Модернизация региональной экономики. Труды Петрозаводского государственного университета. Серия: Экономика. Вып. 13. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 71–81.
5. *Мямлин К.* Глобальный погром офшоров [Электронный ресурс]. URL: <http://oko-planet.su/finances/financesday/179465-globalnyy-pogrom-offs-horov.html> (дата обращения: 14.01.2014).
6. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
7. *Хейфец Б.* Деофшоризация экономики: мировой опыт и российская специфика // Вопросы экономики. 2013. № 7. С. 29–48.
8. *Шэксон Н.* Люди, обокравшие мир. Правда и вымысел о современных офшорных зонах / пер. с англ. М.: Эксмо, 2012. 384 с.